

скоро их знакомство перерастёт в творческий союз. В соавторстве они создадут несколько работ по истории Петергофа⁸. А в 1961 г. в свет выходит путеводитель «Петродворец», который можно назвать вершиной их совместного творчества. Этот фундаментальный труд и сегодня считается одной из лучших работ по истории Петергофского дворцово-паркового ансамбля. Сбылась давняя мечта Николая Ильича написать историю Петергофа. О лучших сторонах своей работы авторы пишут уже во введении: «Предполагаемая вниманию читателей монография написана в результате многолетнего изучения материалов в архивах, музеях и библиотеках Ленинграда и Москвы, а также памятников Петергофа в натуре. Накопленные к настоящему времени данные позволяют выяснить основные этапы формирования петровского ансамбля, проследить историю создания парков, дворцов, фонтанов, каскадов, скульптуры, а также дать их художественный анализ и выявить роль отечественных и иностранных архитекторов и мастеров»⁹. К несомненным плюсам работы также отнести большое количество планов, рисунков и фотографий всех памятников дворцово-паркового ансамбля.

Николай Ильич Архипов скончался в 1967 г. и похоронен на Серафимовском кладбище Санкт-Петербурга.

Память о нём до сих пор живет в Петергофе. Сейчас в фондах музея-заповедника хранятся 58 рукописных исторических справок Архипова об истории и строительстве резиденции, которые не утратили своей научной актуальности. В 2009 г. член общества «Возрождение Петергофа» Хасан Топаж выпускает справочник «Петергоф: Забытые имена. Книга 1», где опубликованы биография, личное дело и редкие фотографии Архипова¹⁰. Не забывают краеведа и жители Петродворцового района. В октябре—ноябре 2012 г. в Стрельнинской библиотеке им. Ю. Инге проходила выставка, посвященная 125-летию со дня рождения Н.И. Архипова, экспонатами которой были его опубликованные труды, редкие фотографии и рукописи, переданные А.Г. Раскиным. Также была переиздана монография Архипова и Раскина «Петродворец», однако уже под названием «Петергоф»¹¹. Смена названия произошла с согласия одного из авторов книги, Абрама Григорьевича Раскина, поскольку в 2009 г. городу Петродворец было возвращено его историческое название Петергоф.

⁸ Архипов Н.И., Раскин А.Г. Петродворец. Л.;М., 1958.; Архипов Н.И., Раскин А.Г. Петродворец. М.;Л., 1959.

⁹ Архипов Н.И., Раскин А.Г. Петродворец. Л.;М., 1961. С. 6.

¹⁰ Топаж Х.И. Указ. соч. С. 33–52.

¹¹ Архипов Н.И., Раскин А.Г. Петергоф. СПб, 2012.

В.В. Скурлов

Франц Петрович Бирбаум (1872–1947). К 140-летию со дня рождения

«... Я всё же изгнанник в своём отечестве, бывают же такие».

Из письма Ф.П. Бирбаума акад. А.Е. Ферсману,
Швейцария, 22 февраля 1921 г.

Что вынудило Франца Петровича Бирбаума сделать такое горькое признание? Какое отечество он считал «своим»? Россию или Швейцарию? И кто даст ответы на эти вопросы? Наверное, эти вопросы из разряда тех, на которые нет ответа. Кто для тебя мать? Та, что родила, или та, которая вскормила, воспитала и помогала всю жизнь? Почему у себя дома швейцарец Бирбаум чувствовал себя изгнанником?

Его оторвали от родины, «матушки-России», где он прожил счастливые 35 лет, и бросили в изгнание... «Возвратили к месту прописки». Легко ли пережить такое человеку в 48 лет, главному мастеру и художнику крупнейшей и лучшей, по всеобщему признанию, ювелирной фирмы мира. Он не вернулся на родину, как его великий предшественник и земляк, придворный ювелир Екатерины Великой Иеремия Позье, на «заслуженный отдых». Ему ещё рано было отдыхать. Он был весь в творческих планах. Очевидно, он держал в уме идею очередного императорского пасхального сюрприза к Пасхе 1918 г. Увы! Этим идеям не суждено было сбыться.

Он стремился найти забвение на горных склонах швейцарских Альп, но память упрямо возвращала его в Петроград, на Морскую улицу, в «дом Фаберже», как все звали этот дом в столице. Иногда он вспоминал себя в двухэтажном деревянном доме на Лодейнопольской улице на Петроградской стороне, где он снимал квартиру с русской женой Екатериной Яковлевной. Этот дом принадлежал

мастеру-ювелиру фирмы Фаберже Александру Петрову. Здесь же, на Лодейнопольской, вместе с сыновьями Петрова — Николаем и Дмитрием продолжались опыты по изготовлению эмалей. Тех самых эмалей, которые принесли славу фирме Фаберже. Жена, которую он высмотрел ещё в конце 1890-х гг. среди выпускниц Центрального училища барона Штиглица, скончалась в голодном Петрограде 1 июля 1918 г.

1918 год. Мастерские фирмы уже не работали. Франц Петрович продавал на аукционах броши собственного изготовления. Какой-нибудь обладатель подобной броши, купленной, или скорее обмененной на продукты в 1918 г., и не подозревает, что её исполнил ювелир, через руки которого прошло большинство императорских пасхальных яиц. Подвернулась преподавательская работа на Петергофской гранильной фабрике (теперь «бывшей Императорской»). Здесь Бирбаум встречался с Александром Евгеньевичем Ферсманом, которого, разумеется, знал и раньше, как автора первой в России монографии по кристаллографии алмазов. Два великих знатока и любителя камня нашли друг друга. Долгими вечерами они беседовали о красоте и поэзии камня. Бывший советский читатель знает одного знатока камня — академика Ферсмана. Между тем, последний, будучи человеком честным как в жизни, так и в науке, признавал превосходство Бирбаума в знании камней... Мы же о Франце Бирбауме не знаем почти ничего. Как же получилось такое? Не потому ли, что он покинул Россию в мае 1920 г. с последним пароходом швейцарских репатриантов. Но разве мог он считаться эмигрантом, о котором нельзя было упоминать?

Историю жизни Бирбаума можно разделить на три части. Первая — это 1872—1886 гг.: Швейцария, учёба на ювелирном отделении Фрейбургского политехникума. Вторая — 1886—1920 гг.: Россия, учеба в Рисовальной школе Императорского Общества поощрения художеств, фирма Фаберже с 1893 до 1918 г. и последние два года: Петергоф. Этот период охватывает 34 года. И наконец, вновь Швейцария: 1920—1947 гг., 27 лет. Этот период жизни менее известен. Известно только, что в 1925 г. Франц Петрович развёлся со своей второй женой Евгенией Петровной Илинской и в том же году женился на швейцарской гражданке Гортензии-Маргарите Дюпертюи. Скорее всего, вступив в брак с Е.П. Илинской в феврале 1920 г. в Петергофе, Франц Петрович просто помог талантливой художнице фирмы Фаберже, дочери действительного статского советника, выпускнице и парижской пенсионерке Училища барона Штигли-

ца, покинув Россию, избежать репрессий. Биограф Фаберже Г.Ч. Бэйнбридж сообщает, что в конце жизни Франц Петрович варил сыр. Наверное, это у него получалось прекрасно, ведь за что бы ни брался этот мастер, всё у него выходило по высшему классу. Он не мог иначе. Такова была школа Фаберже, таковы были строгие требования фирмы. Надо сказать, что и сам Карл Густавович, по свидетельству того же биографа, был большим кулинаром и гастрономом. Ведь чувство композиции одинаково необходимо художнику-ювелиру и хорошему повару. К сожалению, мы не знаем сорта сыра «бирбаум», но все знают, что швейцарский сыр и швейцарский шоколад являются мировыми эталонами качества.

«Русский швейцарец» Франц Петрович Бирбаум умер в Эгле (Aigle), Швейцария, 14 октября 1947 г. в возрасте 75 лет. Он прожил на один год больше своего учителя Карла Густавовича Фаберже.

Родился Франц Петрович Бирбаум 6 сентября 1872 г. во Фрейбурге, небольшом швейцарском городке с населением около 10 000 чел. Фирма Фаберже в Петербурге уже существовала 30 лет, именно в этом году к её руководству пришёл 26-летний энергичный купец и золотых дел мастер Карл Фаберже.

Как познакомились Карл Густавович и молодой Франц? История об этом умалчивает. Можно предположить, что в Рисовальную школу Общества поощрения художеств приходил сам Карл Фаберже выбирать помощников для быстро разрастающегося дела. Ведь 1887 г. открылось отделение, главному ювелиру Хольмстрёму было много за 60 лет, а здесь не только способный специалист с политехническим образованием, но и прекрасный художник. Ученик Ивана Шишкина. Такое сочетание бывает очень редко. Говоря современным языком, Франц Петрович выполнял на фирме обязанности главного инженера, будучи в то же время в ряду первых художников фирмы, причём «художником-композитором» (термин Бирбаума, художником, сочинявшим композиции вещей, иначе говоря, дизайнером) и художником-миниатюристом. Кроме того, он выполнял обязанности геммолога и главного технолога. Его доклады по эмалевому производству и технике литья характеризуют Франца Петровича как зрелого технического специалиста. Но ведь Франц Петрович не заканчивал Горного института, Технологического института и Академии художеств вместе взятых. Как же он успевал разбираться в последних технических новинках и рисовать проекты изделий, и писать серьёзные статьи по проблемам развития ювелирного искусства?

Остаётся восхищаться не только многогранным дарованием Франца Петровича, но интуиции, искусству Карла Фаберже в подборе себе помощников и единомышленников. Именно окружение таких талантливых людей создавало славу фирме. Поистине фирма была одна «большая семья». Многие художники, работавшие для фирмы, стали впоследствии профессорами: Б.С. Фрэдман-Клюзель, Г.И. Малышев, К.Ф. Цейдлер, Л.Г. Стрих, А.К. Тимус, Академиками были или впоследствии стали: Р.Р. Бах, А.Н. Бенуа, Л.Н. Бенуа, Л.Х. Маршнер, А.Л. Обер, М.В. Рундальцев, Ф. Грюнберг-Залкалнс, Г.К. Савицкий, Ф.П. Шехтель, К.К. Шмидт. Созвездие имен!

Сам Франц Петрович никогда, наверное, не задумывался, нужно ли ему звание академика или профессора. Ему некогда было заниматься этим тщеславным делом. Он работал во славу фирмы 25 лет, с 21-летнего возраста. Он уверенно чувствовал себя среди облечённых званиями. Тот же Г.Ч. Бэйнбридж ставил Бирбаума «...на первое место после Карла Фаберже; никто, кроме Фаберже, не выносил решающего суждения о форме и цвете изделий».

«Когда я думаю о нём, продолжает Бэйнбридж, я представляю себе довольно хрупкого человека среднего роста с усами и вандейковской бородкой, спокойного мягкого человека с тонким юмором, как бы сделанного по эскизу самого Фаберже».

Бэйнбриджа поражала товарищеская атмосфера в фирме, поражаало, что все сотрудники обращаются друг к другу и к Карлу Густавовичу по «имени-отчеству». Такое невозможно в английской фирме, говорил Бэйнбридж.

«Стоило посмотреть, — пишет Бэйнбридж, — как Бирбаум входил к Фаберже со своими эскизами. Он вовсе не входил в святая святых или в логово льва; в его приходе и в во всём последующем поведении не было ничего от «сэра» и начальника».

«Франсуа Бирбаум, главный дизайнер, и те, кто работал с ним (Карлом Фаберже — В.С.) отвечали за многое, но они непременно подавали проекты на рассмотрение главе Дома, и работа продолжалась до завершения окончательного эскиза с обсуждением деталей».

Из воспоминаний самого Франца Бирбаум и Бэйнбриджа можно сделать вывод о тесном творческом сотрудничестве Бирбаума и Карла Фаберже, который был для него учителем, другом и только в последнюю очередь хозяином. Самыми тёплыми словами описывает Франц Петрович в своих записках учителя, приводя примеры галльского остроумия Карла Густавовича. Добрым словом вспоми-

нает Бирбаум безвременно ушедшего из жизни младшего из братьев — Агафона Густавовича, талантливого художника.

Почти 15 лет Франц Петрович состоял казначеем Русского Художественно-промышленного общества. Деятельность этого общества, объединявшего художников декоративно-прикладного искусства, в основном бывших штигличан, заключалась в повышении квалификации своих членов, организации конкурсов и выставок. Первым председателем Общества был архитектор И.А. Гальнбек, старший библиотекарь Училища Штиглица. В 1917 г. в обществе состояло 93 человека, в том числе 17 чел. — сотрудники и художники фирмы Фаберже: Ф.П. Бирбаум, И.А. Гальнбек, Ф.А. Грюнберг, М.В. Мусселиус, М.Д. Раков, Г.К. Савицкий, А.К. Тимус, К.Ф. Цейдлер, Г.Г. Эберг, Е.Э.Якобсон, Я.А. Армфелдт, Г.Э.Вигстрем, А.А. Хольмстрем, П.М. Кремлёв, В.Г. Николаев, Н.А. Петров и Е.К. Фаберже. Общество с 1908 г. состояло под высочайшим покровительством великого князя Георгия Михайловича, известного коллекционера-нумизмата, управляющего Русским музеем.

Русское Художественно-промышленное общество устроило в 1912 г. конкурс рисунков имени придворного ювелира К. Фаберже, очевидно, в честь 40-летия руководства фирмой Карлом Густавовичем и 70-летия со дня её основания. Франц Петрович получил на этом конкурсе первую премию за рисунок наперсного креста. Хороший подарок сделал себе художник к 40-летию.

В архиве академика Ферсмана находим характеристику, выданную Бирбауму в двухлетнюю годовщину Октябрьского переворота. Вот её текст: «Франц Петрович Бирбаум, прослушал курс во Фрейбургском политехникуме (Швейцария) и состоял в течение 26 лет главным руководителем художественно-ювелирных мастерских фирмы Фаберже. Самые крупные произведения этой фирмы были исполнены по рисункам Ф.П. Бирбаума, который неоднократно на конкурсах художественной промышленности получал высокие награды. В настоящее время состоит старшим мастером Петергофской гранильной фабрики и сотрудником Отдела драгоценных камней Комиссии производительных сил России при Академии наук.

Подлинное подписал А.Е. Ферсман. 7 ноября 1919 г.»

Характеристика за подписью Ферсмана требовалась для зачисления на новое место работы — заведующим отделом в Институт архитектурной технологии Академии материальной культуры. Одновременно с Бирбаумом заведующими других отделов были избраны В.Ф. Левинсон-Лессинг (будущий академик), акад. А.Е. Ферсман,

проф. М.В. Фармаковский, проф. Н.Н. Качалов (будущий академик). Таков был уровень квалификационных требований. С этого места работы Бирбаум выехал на родину и 28 мая 1920 г. академик А.Е. Ферсман сообщает, что «в связи с выбытием Ф.П. Бирбаума на родину», следовало бы найти ему замену и предлагает войти в переговоры с Агафоном Карловичем Фаберже и Александром Францевичем Котлером, крупными специалистами в вопросах ювелирной техники, обладающими научной подготовкой и большим практическим опытом». Рекомендую, Ферсман не знал, что с 30 мая по 9 сентября 1920 года Агафон Карлович Фаберже сидел в тюрьме ЧК.

Организуя в составе Института архитектурной технологии ювелирную и камнерезную мастерскую, Ф.П. Бирбаум прилагает героические усилия по спасению оборудования фабрики К.Ф. Верфеля и мастерских Фаберже. Однако с фабрики Верфеля станки уже были переданы Совнархозом на различные предприятия, а в мае 1920 г. на заседании Совета Академии Франц Бирбаум сообщает, что не удастся получить и оборудование мастерских Фаберже — нет разрешения Совнархоза. Ещё сентябре 1919 г. для руководства вновь создаваемой мастерской предполагалось пригласить мастера Ньюкяна. Нет ли здесь ошибки в протоколах Академии? Скорее всего — это Габриэль Ньюкянен.

Осенью 1919 г. Франц Петрович неутомимо работает. В октябре вновь открыта под руководством Бирбаума и Илинской художественно-ремесленная школа при Петергофской гранильной фабрике. Кажется невероятным, но при наступлении Юденича на Петроград художники занимаются подготовкой кадров камнерезного искусства. В голодном Петрограде Франц Петрович читает популярную лекцию с эпидиаскопом на тему «Камень в искусстве», в которой высказывает ряд программных идей. Обработку цветных и драгоценных камней Бирбаум рассматривает не только как отрасль, создающую материальные богатства, но отрасль, где камни становятся объектами художественного творчества, служат средством выявления народных художественных сил и приобретают таким образом значение народного богатства. В свою очередь, искусство является и производительной силой, двигающей разнообразные производства и тем способствующей народному благосостоянию.

Ещё одну характеристику Бирбауму мы находим вновь у акад. А.Е. Ферсмана. Анализируя в 1919 г. состояние российского камнерезного производства, Ферсман указывает, что «наиболее нормальные условия наблюдались на наших крупных каменных фабриках,

например, у Верфеля, и особенно в последние годы у Фаберже, где благодаря талантливому и вдумчивому Бирбауму за последние 10 лет научились сочетать «несочетаемое» и дать гармонию камня и кожи, камня и бронзы».

Сейчас сложно отвечать на вопрос, как принял Бирбаум революцию. Его критическое отношение к высочайшему двору видно из записок 1919 г. Там же мы видим его уважительное отношение к передовым представителям буржуазии, признающем в художнике творца. Два ведущих сотрудника фирмы Пауль Бломериус и Константин Огваздин входили в состав Адмиралтейского районного комитета партии конституционных демократов. В поддержке «кадетов» был замечен и известный киевский ювелир Иосиф Маршак, что, очевидно, и помешало ему получить звание придворного поставщика. Видимо, окружение ювелира Карла Фаберже устраивала британская модель монархии, поскольку ювелиры получали большие заказы Кабинета его величества и царского двора. В мае 1916 г., в связи с преобразованием собственного предприятия Карла Фаберже в Товарищество (600 паев по 5000 руб. каждый), Франц Петрович становится его акционером (с паем 5000 руб.), членом Правления. Торговля идёт неплохо. Даже после Февральской революции магазин на Морской, 24 полон. Покупатели — революционные матросы с мешками денег, новоиспечённые богачи, разбогатевшие на военных поставках, новые комиссары.

И вдруг всё рухнуло. Октябрь 1917 г. Мог ли он быть доволен такой властью? Национализируются дома, дачи и крупные предприятия. Смерть жены. Бирбаум теряет стабильный доход, не успев воспользоваться преимуществами акционера, в мае 1919 г. его арестовывают, он проводит в тюрьме 32 дня. Во время обыска в доме Фаберже среди прочих вещей изъята коробка с драгоценными вещами самого Франца Петровича. 15 января 1918 г. грянул знаменитый «Декрет о золоте», согласно которому гражданам запрещалось владеть более чем 16 золотниками (67 г) золотых изделий (треть веса золотого портсигара), а всё производство переводилось на металл 36-й пробы. Более высокая проба запрещена. «Это катастрофа» — реагировали на это решение властей золотых дел мастера. В России не умели работать с металлом такой пробы (соответствует 375 метрической), изделия кородировали, не было технологии литья, штамповки и припоя. Бирбаум находит в себе силы работать с недрагоценными металлами, эмалью по меди, с применением полудрагоценных камней. Драгоценных камней в России нет с на-

чала войны. Творческая активность Бирбаума переключается на общественную деятельность. В апреле 1918 г. Франца Петровича избирают кандидатом в члены Исполкома Союза деятелей искусств, такого прообраза Министерства культуры, вопрос об учреждении которого ставился ещё до революции. Вместе с ним в секцию «Прикладное искусство» вошли такие известные деятели, как А. Головин, М.П. Добужинский, Д.И. Иванов, В.С. Щербаков и В.В. Эмме.

Качественный состав других секций Исполкома понятен при перечислении фамилий: композитор К.А. Глазунов, скульптор Л.В. Шервуд, художники Ю.Л. Анненков, И.И. Бродский, К.С. Петров-Водкин, писатели М. Горький, Л.Н. Андреев, Д. Мережковский, артист Ю.М. Юрьев, искусствоведы А.Н. Бенуа, граф В.П. Зубов.

Для Союза деятелей искусств Франц Петрович готовит доклад по проблемам развития художественной промышленности. Он вновь выступает в защиту прикладного искусства: «До самого последнего времени у нас было принято делить искусство на чистое и не чистое, то есть прикладное. Последнее считалось чем-то низшим. Нужно ли указывать, насколько подобный взгляд ошибочен. Художественность произведения зависит от вложенного в него элемента творчества, вне зависимости от материала, из которого оно исполнено, а в зависимости от того, как оно исполнено».

«Многие керамики, как старинные, так и современные — художественные произведения, а многие картины, украшающие гостиницы — произведения антихудожественные. Нужно признать равноправие прикладного искусства, принимать лучшие его произведения на художественных выставках. Одновременно необходимо привлечь к участию в художественных произведениях лучшие художественные и научно-технические силы».

В декабре 1918 г., посетив по заданию Отдела художественной промышленности Петергофскую гранильную фабрику, Бирбаум готовит свои предложения по восстановлению её работы. В тот же период им подготовлена докладная записка по вопросу объединения Детскосельских бронзолитейной, золото-серебряной, ювелирной и эмальеровочной мастерских в одну «Мастерскую художественной обработки металлов» с приложением проекта Устава, проекта и смет мастерских. Мастерские намечалось открыть в Феодоровском городке Царского села. Записка направлена в Подотдел художественной промышленности Отдела изобразительных искусств — знаменитый ИЗО. При подготовке этого материала Франц Петрович использовал свой дореволюционный организа-

торский опыт, когда в составе комиссии из художников, фабрикантов и ремесленников по заданию Русского Художественно-промышленного общества разработал проект Учебных мастерских для воинов-инвалидов. Так Бирбаум видел свою помощь фронту.

В начале 1918 г. Франц Бирбаум пишет статью «Прикладное искусство и художественная промышленность» (впервые опубликована в книге «Фаберже и петербургские ювелиры». СПб., 1997): «Художественная промышленность России, которая всегда была в состоянии отсталости и прозябания, сейчас разрушена вихрем («политических» — зачёркнуто Бирбаумом — В.С.) событий. Перед нами задача её воссоздания. При этом необходимо избежать те дефекты её организации, которые явились причиной её прозябания. Нужно ли указывать, что теперь, когда искусству суждено стать («достоянием народа» — зачёркнуто Бирбаумом — В.С.) ближе народу, роль прикладного искусства как вернейшего проводника художественной культуры в массах приобретает особое значение. Изделия его проникают всюду и, смотря по своим качествам, вносят художественную культуру или приучают к внешнему безобразию».

Примечательны зачёркнутые Бирбаумом в рукописи слова. Как и многие члены Союза деятелей искусств, он отмежевывается от политики (зачёркнуто слово «политический»). Искусству, пишет он далее, суждено стать ближе народу (а не «достоянием народа»). Что получилось, когда предметы искусства стали «достоянием народа», Бирбаум мог убедиться сам: загородный дом Агафона Фаберже с его коллекционной обстановкой был полностью разграблен, вывезено всё имущество и обстановка из дома Карла Фаберже на Морской ул., 24.

До революции общей тенденцией работы с камнем как предметом прикладного искусства было стремление вносить камень не в саму жизнь, а рассматривать его как предмет роскоши, убранств, как безделушку. С этой тенденцией боролся Фаберже, и не безуспешно. Ф.П. Бирбаум в той же статье о художественной промышленности правильно отмечает, что «объектами художественной промышленности должны стать преимущественно предметы обихода и что искусство должно вносить элементы красоты в те предметы, которые мы постоянно видим и употребляем. (...) Но несомненно такой переход из области предметов роскоши к предметам обихода связан с массовым фабричным производством. Это тоже опасно. В немецкой камнерезной промышленности массовое производство убило индивидуальность творца, отдалило художника от изделия».

Чтобы не впасть в эту крайность, Бирбаум предлагает ряд мер, интересно мотивируя их: «Русская художественная промышленность находится в первой стадии своего развития, и в ней ремесленное производство ещё преобладает над фабричным. С художественной точки зрения такое положение благоприятно, так как ручная работа всегда носит отпечаток индивидуальности мастера; массовое же фабричное производство лишено этого отпечатка, с художественной стороны весьма ценного».

С развитием фабричного производства, помимо общих мер поднятия культуры, необходимо снабжение фабрик образцами, выработанными первоклассными мастерами и государственными художественными мастерскими. Современные механические усовершенствования дают возможность воспроизводить модели с факсимильной точностью, и мы будем, следовательно, в состоянии снабжать рынок художественными репродукциями с первоклассных оригиналов».

Идеи Франца Бирбаума весьма актуальны, но история на тот момент не востребовала мыслителя и идеолога художественной промышленности. Будучи в Швейцарии, Бирбаум предлагал свои услуги в качестве представителя российских гранитных и фарфоровых фабрик, давал предложения по их развитию. Ответа от акад. Ферсмана он так и не получил.

Ещё до революции 1917 г. Франц Петрович неоднократно выступал на страницах журналов «Искусство и жизнь» и «Ювелир». Интересны суждения художника по поводу развития русского стиля: «Пора взглянуть более серьёзно на задачи прикладного искусства. Если национальному стилю суждено возродиться, то, конечно, только в более культурных формах».

Художник борется за функциональность предметов русского стиля: «Когда создаются предметы, мы вправе требовать, чтобы они соответствовали нашим потребностям, а не одним только декоративным целям. (...) Стиль создаётся сочетанием двух факторов: национально-художественного творчества и культурных потребностей эпохи. Создаётся он не одним человеком, а целыми поколениями. Национальный стиль не выработается у нас, пока не будет художников, проникнутых русским художественным духом и современной культурой».

Эти рассуждения позволяют понять специфику стиля Фаберже. Стиль Фаберже, по Бирбауму, это не стиль одной фирмы Фаберже, это стиль русской национальной ювелирной школы после-

дней трети XIX — начала XX в. Этот стиль не создан одним человеком — Карлом Фаберже. Он дал только название стилю. Этот стиль выработался в результате творчества ювелиров таких знаменитых российских фирм, как «Никольс и Плинке», «Сазиков», «Хлебников», «Овчинников», «Болин», «Морозов», «Братья Грачёвы», «Курлюков», «Рюкерт», «Маршак» и других прекрасных мастеров и наиболее последовательно выражен в творчестве художников фирмы «Фаберже».

Даже короткое прикосновение к литературному наследию Франца Петровича показывает, насколько это незаурядная личность. Необходимо собрать все статьи Франца Петровича и издать их отдельной книгой. Мы надеемся, что читатели и исследователи найдут новые, неопубликованные литературные произведения главного мастера фирмы Фаберже.

Полное имя Бирбаума: Франц-Петер. У него, как у Петера-Карла Фаберже, второе имя Петер означает «камень». Знаменательное совпадение! Таким он был и в жизни. Мягкий, добрый человек в жизни и камень в отстаивании эстетических принципов, которым он присягнул, поступая молодым человеком на службу в фирму Фаберже. Этот принцип можно определить как «ДОБРО И КРАСОТА».

Может быть, он был в чём-то наивен, надеясь, что красота спасёт мир...